

Michaił Aleksiejenko

Фразеология как средство выражения национальной ментальности : (безэквивалентная фразеология восточнославянских языков)

Acta Polono-Ruthenica 1, 201-208

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Michał Aleksiejko
Szczecin

Фразеология как средство выражения национальной ментальности (безэквивалентная фразеология восточнославянских языков)

Универсальность мышления заключается в том, что любая языковая общность (социум) пользуется одними и теми же логическими операциями, процессами абстракции, анализа, синтеза, обобщения и т.п.¹ Поэтому не логический уровень определяет этноспецифику языка. Эта специфика обнаруживается прежде всего на семантическом уровне, и еще глубже - в сфере поэтики. В каждом языке отражается своя, национальная картина мира, что обусловлено такими внелингвальными факторами, как ареал, культура, история, религия, этика конкретного социума. Под влиянием этих факторов формируется национальная психология, которая находит свое отражение в языке. По словам Ю.Н. Караулова, национальные особенности пронизывают все уровни организации языковой личности и, хотя между этой личностью и национальным характером отсутствует четкий параллелизм, глубинная связь между ними все же существует, так как и в национальном характере, и в структуре языковой личности можно обнаружить определенную общность (компонент, составляющую), которая является результатом длительной эволюции и передается в наследство поколениям.² Иными словами, язык выступает важнейшим средством передачи менталитета между поколениями лингвокультурной общности.³

¹ См. подробнее: М. Коул, С. Скрибнер, *Культура и мышление: Психологические очерки*, Москва 1977, с. 39-40.

² Ю.Н. Караулов, *Русская языковая личность*, Москва 1990, с. 42.

³ В.Н. Телия, *Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии*, [в:] *Национально-культурный компонент в тексте и в языке*, ч. 1, Минск 1994, с. 15.

В любом языке фразеологические единицы (ФЕ), как и лексические, являются средством отражения языковой картины мира. Однако в ономаσιологическом плане фразеологическая система, по сравнению с лексической, слишком фрагментарна. ФЕ отражают своими значениями не всю языковую картину мира, а лишь определенные ее части и ситуации как результаты соответствующих операций мышления (суждения, умозаключения, императивы).

Фразеологическая система любого языка выступает ярким репрезентантом его национальной самобытности, его „национальной физиономией” (В.Г. Белинский), духовным „кодексом” народа (В.М. Аникин), сокровищницей народной мудрости. В фразеологических средствах языка отразились и сохранились особенности древнего мировоззрения и его эволюция, трудовой опыт людей, народные обычаи, верования, заклинания, заговоры, наблюдения над природой. В них широко представлены осколки самых различных видов словесного искусства - песен, сказок, рассказов, анекдотов, басен, метких высказываний известных личностей и пр. Не случайно и этнопсихологи, и этнографы, и фольклористы, исследуя национальные особенности социумов, оперируют в качестве аргументов фразеологическими фактами (специфика внутренней формы ФЕ, наличие компонентов-реалий или рудиментов в составе ФЕ, ценностные ориентации и наставления в значениях паремийных единиц (ПЕ и др.).

Так, расхождения в исторических условиях жизни, быта, в народных традициях русских и украинцев нашли свое отражение в ФЕ. Например, историческими условиями мотивируется формирование украинской нации как крестьянской, характеризующейся устойчивостью общественных традиций. Последнее явилось следствием большего наличия в украинской фразеологической системе по сравнению с русской этномаркированных элементов, мотивация которых базируется на явлениях крестьянского быта, ср.: **облизати макогін, колупати піч, лежати на лаві, бабин смик, глек розбити, додати куті меду, лизати халяви, лежачий хліб, міряти лозиною, накрити шапкою, не пішла чарка до рота, підвернути під корито, плюнути через поріг, поли врізати, порожня скриня, роздавати гарбузи, сидіти на чужому возі, ставати на рушник,**

шукати кістки в молоці, скакати через пліт, скакати в гречку и мн. др.

Фразеологизмы с „бытовой” мотивацией могут рассматриваться как количественный и качественный этномаркер украинской фразеологии. Они свидетельствуют о том, что „формирование украинской национальной фразеологии осуществлялось главным образом посредством общественного сознания социальных низов, преимущественно крестьянства, а также ремесленничества и казачества.”⁴

В русской фразеологии крестьянский быт представлен не столь широко, в основе мотивационной базы лежит здесь быт привилегированных слоев общества, а также профессиональная деятельность носителей языка (профессионализмы в составе ФЕ), специфика жизни различных социальных группировок (жаргонизмы и арготизмы в составе ФЕ), явления, пришедшие из других культур (романо-германские и др. заимствования). Например: **антик с гвоздикой, выкидывать курбеты, быть в кураже, барабанная шкура, адмиральский час, в авантаже, для блезира, поставить на пё, брать на арапа, вот так фунт** и т.п.

Значительная же общность отраженных во фразеологии „бытовых” мотиваций свидетельствует о близости русских и украинских представлений, создающих картину мира, и общность внешних факторов, воздействовавших на эти языки. Ср.: **выбрасывать за ворота** (рус.) - **викидати за ворота** (укр.); **не пускать на порог** (рус.) - **на поріг не пускати** (укр.); **переступить порог** (рус.) - **переступати поріг** (укр.); **пятое колесо в телеге** (рус.) - **п’яте колесо до воза** (укр.); **поворачивать оглобли** (рус.) - **повертати голоблі** (укр.); **от горшка два вершка** (рус.) - **від горшка два вершка** (укр.); **садиться не в свои сани** (рус.) - **не в свої сані сісти** (укр.) и под.

Этномаркированными могут быть не только ФЕ, в состав которых входят компоненты-реалии, безэквивалентные слова, омонимы, диалектизмы, жаргонизмы, заимствования, но и фразеологизмы, лишенные подобных маркеров. Ср.: **бесструнная балалайка**,

⁴ Б.М. Ажнюк, *Національна фразеологія в іншомовному зіставленні*, „Українська мова і література в школі”, 1990, № 5, с. 84.

шемякин суд, коломенская верста, (рус.); за царя Хмеля, гопака втинати, скриню дбати, рушники подавати; Від Києва до Львова всюди біда однакова (укр.) и плакать в жилетку, выкупать ворота, идти на сахар, барашек в бумажке, гол как сокол (рус.); глечики полоскати, колупати піч (укр.) и др. Это свидетельствует о том, что этноуникальность данных единиц базируется на особенностях положенной в основу образности ФЕ внеязыковой действительности. Этноуникальная информация в таких случаях выражается ФЕ имплицитно. Отсутствие фразеологических соответствий этим ФЕ в другом языке компенсируется, как правило, синонимическим рядом нефразеологических соответствий (лексических, описательных) или другими средствами контекста. Например, ФЕ **приходить (прийти) в бешенство** имеет в украинском языке лексические соответствия **скаженіти, оскаженіти, шаленіти, ошаленіти, ошаліти**; ФЕ **из рук вон плохо** имеет более десяти украинских соответствий - **дуже погано, зовсім погано, препогано, вкрай погано, аж надто погано, надзвичайно погано, до останньої міри погано, далі вже нікуди, хто зна як погано, нікуди не годиться...**

Во многих ФЕ отразилась древняя народная символика. Но даже в близкородственных языках и культурах ее состав, по свидетельству лингвистов (А.А. Потебня, В.В. Иванов, В.М. Мокиенко, Н.И. Толстой, Н.М. Шанский и др.), не одинаковый, причем в украинском языке и в фольклоре древняя народная символика осталась в значительно большем объеме и в более приближенном к своей первоизданности виде по сравнению с русским языком и фольклором.⁵ Компоненты с символическим значением в составе ФЕ обычно выступают в качестве их смысловых центров. Не случайно И. Франко в своем словаре *Галицько-руські народні приповідки* в толкованиях значений украинских пословиц и поговорок нередко подчеркивает значение компонента-символа как мотивирующей основы ФЕ, например, компонент **билина** толкуется как „символ сироты”; **биття** - „виховання, наука”; **сорока** - „символ говірливості і самопохвальби, особливо жіночої,; **лисиця** - „лис

⁵ В.Д. Ужченко, Л.Г. Авксентьев, *Українська фразеологія*, Харків 1990, с. 129.

является скрізь символом хитрості; цап - „символ дурноти є баран або вівця”;⁶ птах - „птах - символ свободи, бо може літати, куди хоче”⁶ и мн. др.

Это свойство многих ФЕ было в то же время и одним из аргументов в пользу выборов составителем порядка расположения фразеологического материала в словаре: „[...] я держався прийнятої в науці системи азбучного порядку тем [не начальных компонентов. - М.А.]..., йдучи за упрощеною системою Адальберга”⁷.

Фразеологическую символику можно представить как систему, состоящую из символов различной значимости семиотической функции - макросимволов, символов, микросимволов. Под макросимволом (архетиповый символ⁸) понимается глобальный концепт, свойственный разным языкам, культурам. Макросимволы характеризуются максимальной степенью обобщения и абстрагирования. К таким глобальным концептам в славянских (и не только славянских) языках можно отнести макросимволы **время, число, причина, верх, низ, свет, бездна, тьма, цвет, пространство, мать, кровь** и др. Контрастивные исследования макросимволов на материале близких языков и культур каких-либо существенных расхождений в них не фиксируют.⁹ Сказанное в полной мере относится и к восточнославянским языкам.

Значительная асимметрия наблюдается в символике и микросимволике близкородственных языков. К символам мы относим компоненты, которые функционируют не только в составе ФЕ, но и в любых иных текстах данной культуры. Микросимволы, в отличие от символов, сохраняют свое семиотическое значение лишь в границах фразеологической системы данного языка.

Основу русской и украинской символики составляют общеупотребительные слова: названия животных (**баран, вол / віл, медведь / ведмідь, волк / вовк, заяц / заєць, лошадь / кобила, козел / цап, кот / кіт, кукушка / зозуля, голубь / голуб, сокол / сокіл,**

⁶ См. соответствующие статьи в: *Галицько-руські народні приповідки*, зібрав, упорядкував і пояснив д-р І. Франко, Львів 1901 - 1910.

⁷ Там же, т. 10, с. 11.

⁸ Ф. Уилрайт, *Метафора и реальность*, [в:] *Теория метафоры*, Москва 1990, с. 98.

⁹ См. исследования Ю. Лотмана, В.В. Иванова, А.Я. Гуревича и др.

орел / орел, воробей / горобець и др.); названия растений (**верба, терн / терен, явір, тополь / тополя, барвінок, тыква / гарбуз, мак, любисток, рута, ряст** и др.); названия предметов быта (**веннок / вінок, макогін, крашанка, полотенце / рушник, сундук / скриня** и др.).

Те же тематические группы лексики наиболее полно представляют в восточнославянских языках микросимволы (обладающие символическим значением в пределах фразеологической системы), ср.: **рак, комар, щи / борщ, перец / перець, сало, тесто / тісто, телега / віз** и под.

Символы и микросимволы русской и украинской фразеологии соотносительны. Межъязыковая асимметрия проявляется здесь по-разному. Наблюдается тождественность основных сем символа при различии периферийных, различное количество сем в двух языках, наличие-отсутствие этномаркированных сем и т.п. Сопоставление фразеологической символики и микросимволики показывает, что различия между соотносимыми ФЕ русского и украинского языков при общности их внешней формы нередко носят внутренний, глубинный характер. Например, в украинском языке **вол** - символ упрямства (**вперся як віл рогами**), в русском это значение имеют компоненты **бык, баран (упрям как бык)**, украинские этносемы этих компонентов - **глупый (дурний як бик), напыщенный (Величається як куций бик в череді)**.

Соотносительные символы **кіт, кошка** различаются в двух языках такими ФЕ, как **живуч как кошка, влюблен (влюблена) как кошка, драная кошка (рус.)** и **дурний як кіт, працює як кіт на печі, примостився як кіт на сонці** и т.п.¹⁰

Тождественность семантики символа **печенка, печінка** - „...символ гнева, раздражения, желчного настроения”¹¹ - по-разному представлена в русской и украинской фразеологии. В украинском языке значительно больше ФЕ и их вариантов с этим компонентом. Ср.: **всеми печенками, сидит в печенках, все печенки отбить, до самых печенок, говорит печенкой (рус.)** - **сидіти в печінках,**

¹⁰ Более подробно см.: О.П. Левченко, *Безеквівалентна російська і українська фразеологія*, Автореферат канд. дис., Київ 1995, с. 79-80.

¹¹ *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х т., т. 3, Москва 1935 - 1940, с. 250.

відбити печінки, брати за печінки, вивертати печінки, лізти в печінки, мара в печінки, насадити в печінки, як на печінки, пекти в самі печінки, трясьця йому в печінки, тягне за печінки, матері в печінку, щоб мені печінку роздуло, добратися до самих печінок, допікати до живих печінок (укр.).¹²

Таким образом, в фразеологической символике наряду с традиционностью нашло отражение национальное видение и восприятие мира, его оценки, эволюция этого восприятия. Фразеологические средства языка дают богатый материал для исследования этнического образа социума, его сознания в диахронии и на определенном этапе развития. В фразеологии любого языка отражается склонность его носителей рассматривать и оценивать явления и особенности иного этноса, иной культуры с позиций собственного мировоззрения, собственной культуры. Иной этнос, его культура получают в языке оценку с позиций своей системы ценностей и культурных традиций, как правило, отрицательную. Например: **Хохол глупее вороны, а хитрее черта; Черт с хохла голову снял да приставил ему индюшечью; Хохлацкий цеп на все стороны бьет; Волк кормленный, конь леченый, жид крещеный, недруг замиренный, равно ненадежны¹³; Немецкое племя славянскому никак добра не мыслит; Славянскому языку не видать добра от немцев; Бог умудряет человека, а черт немца; Что русский, то дубина, что немец, то собака; Поскреби русского и обнаружишь татарина; Москаль хоч і знає дорогу, та все ж розпитує; Гарцює як москаль на вірьовці; Як з москаля козак; З ляхом говори, а камінь за пазухою держи; Страшний як монгол; Щедрий як ніжинський грек; Вивертає пику неначе німець¹⁴ и мн. др.**

Это явление, получившее в социологии и этнологии название этноцентризма, носит универсальный характер и наглядно иллюс-

¹² О.П. Левченко, *Безеквівалентна...*, с. 99.

¹³ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т.*, Москва 1989 - 1991.

¹⁴ *Прислів'я та приказки: Взаємини між людьми*, Упорядкував М.М. Пазяк, Київ 1991; О.С. Юрченко, А.О. Івченко, *Словник стійких народних порівнянь*, Харків 1993.

трирует фразеологическую универсалию - преобладание отрицательной оценочности фразеологических средств как вторичных номинаций.